

Опубликовано: История татар с древнейших времён в семи томах.
Том 3. Монгольское завоевание и Золотая Орда. Казань.

Напольских В. В., Чураков В. С. (Ижевск)

**Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья
в период монгольского нашествия и в золотоордынскую эпоху.**

1. Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья к началу XIII в.

Земли к югу от Оки в бассейне Суры и междуречье Волги и Мокши были заняты предками мордвы: эрзи – на севере и мокши – на юге региона. Вероятно наличие здесь и других мордовских групп, каковыми могли быть, например, предки теньгушевской мордвы или мордвы-шокши, населяющей крайний северо-запад Республики Мордовия, для культуры и языка которой характерно сочетание как эрзянских (связанных, возможно, с изначальной близостью данной группы к эрзянам) и мокшанских (скорее всего – результат более позднего влияния), так, по-видимому, и своеобразных, не сводимых напрямую к этим двум компонентам, черт. На эти же территории могли переселяться группы родственного мордве населения из более северных районов: создатели культуры рязанских могильников, потомки летописных *муромы*, *мещеры*, а возможно – и *мери*, теснимые русской колонизацией Поочья, а также – восточнославянские и балтские группы.

В политическом отношении эти территории представляли собой своего рода буферную зону между Волжской Булгарией и Русью (Владими́ро-Суздальским и Рязанским княжествами). Уже с XII в. правобережье Суры находилось, по-видимому, под контролем Булгарии, влияние которой в начале XIII в. распространялось и дальше на запад – до верховий Алатыря (Саровское городище) и верхнего течения Мокши (город Наровчат). В свою очередь русские княжества контролировали правый берег Оки, простирая в начале XIII в. свою власть на нижнее течение Мокши (город Кадом) и устье Оки (Нижний Новгород) [Белорыбкин, Зеленцова 2005]. Однако ослабление Владимиро-Суздальского княжества в 20-30-е гг. XIII в., связанное с выделением на его территории нескольких уделов, во главе которых встали многочисленные сыновья Всеволода Большое Гнездо (1154-1212), способствовало обретению фактической самостоятельности князьями Мордовской земли. Здесь, между Волжской Булгарией и Владимиро-Суздальской Русью, где проходил важный в экономическом и политическом отношениях путь, связывающий Булгар и Киев, в ходе борьбы со сторонниками прорусской ориентации, из числа которых летописи называют *Пуреша* и его сына, не без военной помощи со стороны болгарских правителей, возвышается мордовский князь *Пургас*, распространивший свою власть не только на мордву, но и на «русь Пургасову» [ПСРЛ 1949 : 122, 123, 125]. Центром этого объединения могло быть Понетаевское или *Пургасово* городище XII-XIII вв. в верховьях Теши [Мокшин 1977; 1991].

К северо-востоку от мордовских земель, на право- и левобережье Волги между Сурой и Камой к XIII в. в основном формируется общность марийских племён. При этом левобережье Волги, Ветлужско-Вятское междуречье было весьма мало задето бул-

Положения данной части очерка в основном обоснованы в статье одного из авторов в предыдущем, болгарском томе «Истории татар» [Напольских 2005].

гарским присутствием и непосредственным влиянием: эти покрытые густыми лесами обладающие не слишком плодородными почвами земли, через которые не проходили важные торговые пути, видимо были мало привлекательны для болгар, и последние предпочитали поддерживать дружественные отношения с местным населением без вмешательства в его внутренние дела. Само же марийское население выполняло роль своего рода буфера между Булгарией и Русью, ставшую тем более актуальной после возникновения в 1221 г. Нижнего Новгорода и после сложения русского анклава на средней Вятке не позднее рубежа XII-XIII вв. [Макаров 2001]. Роль марийцев как своего рода федератов Волжской Булгарии реконструируется исходя из нескольких обстоятельств: старое тюркское по происхождению внешнее название марийцев, черемисы, происходит, видимо, от тюркской основы **çer-* ‘войско, воевать’ и служило первоначально (вероятно, ещё в хазарское время, в эпоху проникновения первых тюрков в Среднее Поволжье) обозначением ‘воинственного’ населения пограничья; в конфликтах русских с Казанским ханством луговые марийцы неизменно стояли на стороне последнего, оставаясь уже после падения Казани в эпоху «Черемисских войн» второй половины XVI в. последней активной силой в борьбе против Москвы – в то время, как на собственно марийских территориях на сегодняшний день не обнаружено болгарских укрепленных поселений; несмотря на раннее вхождение *черемисов*-марийцев в сферу политических интересов тюркских государств Поволжья (по крайней мере с X в., судя по письму хазарского кагана Иосифа, где они упоминаются), заимствования из языка болгарского типа (чувацкого) в марийском языке исследователи склонны датировать не ранее чем XIII в., и это означает, что культурные контакты предков марийцев с тюрками в домонгольское время были не слишком интенсивными.

Правобережье же Волги, междуречье Волги и Суры, территория сегодняшней Чувашии было по всей вероятности заселено близким марийцам населением (это следует из очевидных параллелей в традиционной культуре и антропологическом типе марийцев и чувашей, многочисленных следов языковых связей – причём как лексических, так и системного структурного сходства фонетической системы обоих языков и параллелей в морфологии и синтаксисе), к которому по крайней мере с начала XIII в. применялось мордовское название *veden* (в современных мордовских языках – название чувашей), зафиксированное в форме *Beda* в «Слове о погибели Русской земли» [Бегунов 1965 : 150] и *Wedin* в письме венгра Юлиана (см. ниже). На этих территориях, представлявших интерес для развития интенсивного земледелия, достаточно рано, уже с XI-XII вв. установилось прочное болгарское влияние и шла, по-видимому, постепенная ассимиляция местного населения, достаточно рано и органично интегрированного в социальную систему болгарского государства. Помимо родственного марийцам этноязыкового компонента, *Beda~Wedin* в этом процессе могли принимать участие мордовские группы на западе, *буртасы* на юге региона (на сегодняшний день не представляется возможным установить этноязыковую принадлежность этого народа, хотя гипотеза о его аланском происхождении выглядит наиболее предпочтительно) и другие финно-угорские и тюркские группы населения Волжской Булгарии.

На коренных землях Волжской Булгарии в левобережье Средней Волги от Самарской Луки на юге до нижнего Прикамья на севере помимо собственно болгарского населения (которое к началу XIII в. также не было однородным в этноязыковом отношении, поскольку, как об этом свидетельствует болгарская эпиграфика, помимо R-тюркского, собственно болгарского языка в ходу здесь был уже Z-тюркский язык огузско-кыпчакского типа), а также живших преимущественно в городах многочисленных представителей древнерусской, армянской, еврейской, хорезмийской и др. диаспор,

присутствовали и финно-угорские группы. Прежде всего в этой связи следует упомянуть так называемых «юлиановых венгров» – язычников, ведших видимо полукочевой образ жизни, живших где-то в пределах Булгарии и говоривших на языке настолько близком к венгерскому, что венгерский монах-доминиканец Юлиан, отправившийся на восток в поисках соплеменников, без труда понимал их [Аннинский 1940: 81-100]. Археологи усматривают возможность соотносить с этим населением создателей Больше-Тиганского могильника VIII-IX вв. в левобережье нижней Камы и некоторых других памятников с территории Волжской Булгарии [Халикова 1976]: предполагается, что «юлиановы венгры» представляли собой часть древневенгерской племенной общности, которая осталась в Среднем Поволжье в то время как большая часть древних венгров продолжила историческую миграцию с предполагаемой угорской прародины на юге Западной Сибири через южное Приуралье и Поволжье в степи Прикубанья и северного Причерноморья, завершившуюся в IX в. завоеванием новой родины венгров в Паннонии.

Район нижнего течения Камы, особенно её правобережье (современное Закавказье, низовья Вятки) в болгарскую эпоху был по всей вероятности заселён прямыми предками удмуртов и близких им по культуре и языку бесермян, происходившими с территории пермской прародины в среднем Прикамье, тесные контакты которых с булгарами (точнее – включение в болгарское социо-культурное пространство) маркированы многочисленными старыми болгаризмами в удмуртском языке. Следует полагать, что именно здесь, в пределах Волжской Булгарии и сложились как таковые эти две этнические группы с характерными особенностями их языка, традиционной культуры и самоназваниями. В Булгарии они составляли преимущественно крестьянское земледельческое население, выплачивавшее систематические подати (удм. *kerś* ← булг.: чув. *χirāś* / *χirsā* ‘подушная подать, общественные сборы’ ← араб. *harj* ‘расход; паёк; дань, подать’) и не принимавшее ислам (для предков бесермян при этом следует реконструировать особый пиетет к исламу и признание его в качестве одного из компонентов народной религии). По-видимому, накануне монгольского нашествия наибольшую степень вовлеченности в болгарское общество по сравнению с другими финно-угорскими народами региона следует полагать именно для удмуртов, являвшихся фактически одной из этнических групп этой страны. Их органичная интеграция в болгарское общество была, по-видимому, причиной отсутствия упоминаний об удмуртах на страницах письменных источников вплоть до второй половины XV в.

Поскольку болгарское (говорившее на R-тюркском языке) население по крайней мере в XIV в. (булгарская эпитафия из с. Гордино на севере Удмуртии) присутствовало в бассейне р. Чепцы, есть основания полагать, что не позднее XIII-XIV вв. начинается переселение на север вверх по Вятке каких-то групп булгар – предков чепецких (каринских) татар, вместе с которыми по-видимому переселяются удмурты и бесермяне. С уверенностью говорить о присутствии удмуртов и бесермян на Чепце в домонгольское время сегодня нет оснований, но исключать такую возможность нельзя. Во всяком случае, в основной своей массе севернoudмуртский массив должен был оформиться после сложения на средней Вятке русского анклава, Вятской земли, поскольку самоназвание чепецких удмуртов – *Ватка* – происходит от русского названия реки и города Вятки и Вятской земли.

На северной периферии Волжской Булгарии с IX-X вв. возникает охватывающая достаточно обширные районы верхнего Прикамья и бассейна Чепцы система укрепленных поселений, известных в археологической литературе как городища родановской и чепецкой культур. Время существования этих городищ совпадает со време-

нем существования Волжской Булгарии, их население вело с Булгарией оживлённую торговлю и материалы этих поселений свидетельствуют о ведшемся в регионе массовом промысле пушного зверя, прежде всего бобра – именно о прекрасных бобровых мехах ввозимых в Булгар с севера, из земли *Ару* сообщают арабские источники домонгольского времени. Название *Ару* (ارو) можно связывать с общетюркским корнем **ary* ‘та, противоположная сторона’: по-видимому, так булгары могли называть северные земли за Итилем, то есть территории современных Кировской области, Удмуртии и Пермского края. Позднее это слово послужило основой для татарского названия удмуртов (*ar*) – как основного и самого близкого татарам народа бывшей страны *Ару* (см. [Белых 1996]). На ряде крупнейших родановско-чепецких городищ обнаружены следы присутствия довольно многочисленного мусульманского болгарского населения. С другой стороны, ни на одном из этих городищ не выявлено следов наличия какой-либо местной политарной организации: не раскопано ни резиденций князей и правителей, ни публичных святилищ и т. п. Все эти обстоятельства заставляют видеть в городищах родановско-чепецкого типа болгарские фактории, основным назначением которых был сбор мехов, и которые могли управляться как болгарскими группами купцов, чиновников и воинов, так и представителями местной родо-племенной верхушки. Язык основного населения этих городищ был – судя по происхождению археологических культурных особенностей из Прикамья, с территории пермской прародины – пермским, но едва ли имеет смысл, как это делают археологи, дискутировать о его большей близости к коми или удмуртскому. Возможно, однако, и присутствие здесь непермского и нетюркского в языковом отношении населения: сохранившиеся в удмуртском фольклоре имена богатырей-властителей чепецких городищ в большинстве своём не этимологизируются ни из пермских, ни из тюркских языков.

После прекращения функционирования чепецко-родановских городищ на большей части их ареала вследствие гибели Волжской Булгарии в XIV в. судьбы местного пермского населения сложились по-разному. Чепецкое население вошло в состав удмуртов-*Ватка*, продвинувшихся вверх по Чепце со средней Вятки. Ассимиляция удмуртами близкородственного по языку пермского населения на Чепце происходила, по-видимому, достаточно быстро и безболезненно, показателем чего является распространение в фольклоре чепецких удмуртов упомянутых выше преданий о чепецких богатырях, воспринимавшихся удмуртами как «свои».

Судьбы северного пермского населения связаны с возрастающей ролью русского (новгородского и владими́ро-суздальского) влияния на северо-востоке. Ранее всего переориентировалось на Русь население Вычегды – создатели вымской археологической культуры, в которых можно видеть смешавшихся с местным пермским же по языку населением выходцев из Прикамья – предков коми-зырян, получивших в русских источниках имя *Пермь Вычегодская*. Население родановских городищ на верхней Каме в период гибели Волжской Булгарии и потери связей с нею, составлявших основу существования этих центров, также постепенно переориентируется на Русь, и это проявляется в частности в возрастании в XIV–XV вв. роли и значения самой северной части родановского ареала – района Чердыни, *Великой Перми* русских источников с одновременным угасанием некогда самых крупных городищ на юге ареала. Процесс экономической, политической и культурной переориентации *Перми* завершается крещением коми на Вычегда и затем на верхней Каме (см. ниже).

2. Монгольское завоевание и судьбы финно-угорских народов.

Монгольские завоевательные походы стали настоящим бичом для многих народов и государств Старого Света. Одними из первых в Восточной Европе разрушительную силу и жестокость кочевников испытали на себе финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья, которые в начале XIII в. были вовлечены в различные модели интеграции в структуры политического, социально-экономического и культурного пространств Булгарского государства, Владимиро-Суздальской Руси и Великого Новгорода.

Грандиозный поход монгольских армий, который, согласно принятому на курултае 1235 г. решению, имел целью овладение «странами Булгара, асов и Руси» [Тизенгаузен 1941 : 22], начался в конце 1236 г. Первой разрушению подверглась Волжская Булгария, о печальной участи столицы которой сообщается как в восточных, так и в русских летописях [Тизенгаузен 1941 : 23; ПСРЛ 1949 : 117]. Подавив отдельные попытки организовать сопротивление захватчикам в «других областях» Булгарии, монгольские царевицы «составив совет, пошли каждый с своим войском облавой, устраивая сражения и занимая попадавшие им по пути области». Как сообщает далее Рашид-ад-дин в 1237 г. «сыновья Джучи – Бату, Орда и Берке, сын Угедей-каана - Кадан, внук Чагатай – Бури и сын Чингиз-хана – Кулкан занялись войною с мокшей, буртасами и арджанами и в короткое время завладели ими» [Рашид-ад-дин 1960 : 38]. Об успехах монголов в Нижнем и Среднем Поволжье повествует и венгерский монах Юлиан, в своем письме «О монгольской войне». «В течении года или немногим более, – пишет он, – завладели [*татары*] пятью величайшими языческими царствами: Сасцией (*Sascia*), Фулгарией (*Fulgaria*)... Кроме того они напали на Ведин (*Wedin*), Меровию (*Merowia*), Пойдовию (*Poydowia*), царство морданов (*Mordanorum regnum*)» [Анненский 1940 : 85, 104].

Обращает на себя внимание рассказ Юлиана о двух князьях в Мордовской земле, один из которых «со всем народом и семьей покорился владыке татар», а другой «с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил» [Аннинский 1940 : 86-86, 104]. Эта запись, относящаяся к 1237 г., перекликается с известиями русских летописей о подавлении в 1239 г., накануне похода монголов в Западную Европу, вспыхнувшего в Мордовской земле восстания [ПСРЛ 1949 : 130], а также с информацией Гильома де Рубрука, полученной им в Нижнем Поволжье в 1253 г., сообщающей о различии в положении двух соседних народов: моксель (*Moxel*) и мердас (*Merdas*) [Путешествия 1957 : 110]. О первом Рубрук пишет, что «города у них нет, а живут они в маленьких хижинах. Их государь и большая часть людей были убиты в Германии. Именно татары вели их вместе с собою до вступления в Германию». О мердас же говорится лишь, что они «сарацины». Учитывая эти сообщения можно предположить, что в результате неудачного выступления против захватчиков некий мордовский князь, возможно, тот самый, о намерении которого «защищаться если хватит сил» писал Юлиан, был в конечном итоге вынужден признать власть монголов. Со своей стороны, завоеватели, как это бывало неоднократно в других странах, принудили побежденных участвовать в походе на Венгрию и Германию в 1241 г. Другой мордовский князь, который сразу признал себя вассалом монгольского хана, очевидно, остался в своей земле, а подвластное ему население в последующем получило нелестный эпитет «сарацины».

Последствия монгольских походов для земледельческих народов, к каковым относились и финно-угорские народы Среднего Поволжья, были разрушительны. Уничтожение сельских и городских поселений, потравы многочисленными конными отрядами хлебных посевов, физическое уничтожение значительного числа людей и увод по-

лона оказали огромное отрицательное влияние на их общественное развитие. Земли, избежавшие массового вторжения кочевников-завоевателей, а к ним представляется возможным отнести и основные районы расселения марийцев и удмуртов, также оказались в нелегком положении: приток беженцев, уничтожение сложившейся социальной инфраструктуры, связывавшей периферию с болгарскими центрами политической, социально-экономической и культурной жизни имели далеко идущие последствия для их развития. Очевидно, именно период монгольских походов, стал рубежным и в отношении смены населением Верхнего Прикамья пробулгарской ориентации с постепенным вовлечением его в орбиту усиливающегося влияния Великого Новгорода и северо-восточных русских княжеств.

Катастрофические события монгольского завоевания, приводившие к большим подвижкам населения, активизировали ассимиляционные процессы на территории Волжской Булгарии. По-видимому, именно к этому времени (вторая половина XIII – начало XV в.) следует относить окончательную ассимиляцию финно-угорского населения правобережья средней Волги и формирование чувашей. Сложность и разнообразие фонетических соответствий чувашского языка с тюркскими может быть понята только в случае принятия гипотезы о нескольких сменявших друг друга волнах тюркизации проточувашского населения, и, соответственно, о длительном процессе перехода этого населения на R-тюркский язык. Вероятно, в этот же период были ассимилированы (а частично возможно и погибли, будучи как кочевое, представлявшее военную ценность, население вовлечены в монгольские походы) и «юлиановы венгры»: этнонимы типа *мачар* / *можар* встречаются в русских преимущественно источниках эпохи Казанского ханства, но нигде нет указания на наличие соответствующей группы с особым языком и самосознанием [Vásáry 1977].

Тяжелые порядки, воцарившиеся в завоеванных монголами регионах, неоднократно провоцировали восстания, некоторые из которых охватывали значительные территории. Одно из таких крупных выступлений народов Среднего Поволжья произошло, очевидно, в 1241-1242 гг., когда основные силы монголов были задействованы в походе на страны Западной Европы. Как сообщает Плано Карпини – глава миссии 1245-1247 гг. папы Иннокентия IV ко двору великого хана Гуюка, сразу по возвращении из похода, в 1242 г. монгольские войска «пришли в землю мордванов (*Morduani*), которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против Билеров, то есть Великой Булгарии, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, то есть Великой Венгрии, они победили и их» [Путешествие 1957 : 47-48].

Завершение активной фазы завоевательных походов и образование Золотой Орды способствовало постепенной стабилизации в отношении земледельческой периферии и кочевого ядра государства. Выработывались новые формы организации социальных связей (прежде всего в области организации сбора и доставки в Орду дани), а там, где для этого оставались возможности, возрождались старые (главным образом в области торговых контактов, расстроенных в предыдущий период, поскольку оказание посреднических услуг было также одной из основных форм пополнения ханской казны). Земли удмуртов и марийцев, вероятно, были включены непосредственно в состав Булгарского улуса Золотой Орды и управлялись его администрацией. Мордовская земля со своими князьями являлась, очевидно, вассальным политическим образованием, на территории которого, впрочем, также возник центр ордынской власти г. Мухшы (Наровчат). В последующем мордовские князья неоднократно оказывали помощь золотоордынским ханам, участвуя в их походах на Русские земли [ПСРЛ 1949 : 122, 123, 125, 193], а по сообщению Шереф-ад-дина Йезди мордва (*м.к.с*) упоминается в составе

разноплеменного войска, собрано ханом Тохтамышем со всего Улуса Джучи, и направленного в 1388 г. против своего недавнего покровителя среднеазиатского властителя Тимура [Тизенгаузен 1941 : 156].

Известные источники XIII–XV вв. мало, что могут рассказать о повседневной жизни марийцев и удмуртов в составе Золотой Орды, несколько более подробно они освещают положение мордвы, подчеркивая, что основными занятиями этого народа являлись земледелие, разведение домашнего скота, различные лесные промыслы и рыболовство [Путешествие 1957 : 110; Барбаро 1971 : 134, 159]. Безусловно, столь же комплексное хозяйство, основой которого было пашенное земледелие, было присуще марийцам и удмуртам. Различными авторами также неоднократно отмечался «языческий» характер верований мордвы. Наиболее подробное из ранних описаний отдельных религиозных обрядов приводится в сочинении Иосифата Барбаро, полагавшего, что он обладает «хорошей осведомленностью относительно мордвы (*Moxia*)» [Барбаро 1971 : 134, 159]. Действительно, очевидно, даже после того, как ислам в правление хана Узбека (1313-1341) становится официальной религией государства, в отношении зависимого населения правители Золотой Орды не предпринимали каких-либо активных действий, направленных на исламизацию. Это, конечно же, само по себе не исключает отдельных фактов принятия мусульманской религии представителями мордвы, марийцев и удмуртов. Кроме того, следует напомнить, что в числе последних еще с болгарских времен под влиянием соседей-мусульман происходило обособление этно-социальной группы бесермян.

Династические кризисы, которые стали сотрясать Золотую Орду со второй половины XIV в., вели к постепенному ослаблению ее власти на зависимых территориях. Многие царевичи и просто знатные и амбициозные аристократы стали захватывать отдельные окраинные территории. Так, в 1361 г. князь Булат-Тимур, захватив Булгар и «отня весь волжский путь», очевидно, распространил свою власть на восточные районы мордовских, марийские и южноудмуртские земли; в 1362 г. мордву по р. Пьяне подчинил выходец из Приазовья Сегиз-бек; «а иныи князь Ординский, Тагаи имя ему, иже от Бездежа, а тои, Наручядь, ту страну отняв себе, ту пребываше» [ПСРЛ 1949 : 181; ПСРЛ 2000 : 71]. На средней Вятке в это же время укрепляется Вятская земля, в числе подданных которой были северные удмурты-*Ватка* (т. е. вятчане). Пользуясь слабостью Орды, нижегородско-суздальские князья, новгородцы и вятчане в 60-е – 70-е гг. XIV столетия неоднократно «ходили ратью» на ее поволжские земли, грабя на своем пути по Волге, Каме, Ветлуге и Вятке мордовские, марийские и южноудмуртские селения. В русских летописях под 1379 г. сообщается, что один из таких отрядов вятчан был разбит в пределах Арской земли – территории расселения южных удмуртов [ПСРЛ 1949 : 201]. Временное восстановление могущества Золотой Орды в периоды правления хана Тохтамышя (1380-1396) и темника Едигея, правившего от имени ханов Шадибека (1399-1407) и Пулада (1407-1411), не смогли остановить дезинтеграционных процессов. Уже к концу XIV в. большая часть мордовских земель вошла в состав Московского и Рязанского княжеств, а марийцы и южные удмурты, с образованием бывшим золотоордынским ханом Улу-Мухаммедом и его сыном Махмудом в 1438-1445 гг. Казанского ханства, стали его подданными.

Как уже отмечалось выше, накануне монгольского вторжения в Восточную Европу, на территории расселения земледельцев коми шло оформление двух направленных интеграционных процессов. Коми, жившие на Вычегде, находились в даннической зависимости от Великого Новгорода. Впрочем, уже с конца XII в. все настойчивее в эти отношения стали вмешиваться владими́ро-суздальские князья, выказывавшие свои при-

тизания на право обладать этим богатым пушнинной регионом. Еще в 1178 г. в устье р. Юг князем Всеволодом был заложен «град Гляден». В 1212 г. его сын ростовский князь Константин Всеволодович «заложил град Устюг». Отстранив от власти старшего брата, князь Юрий Всеволодович «своею властью отимал земли по Двине и по Вычегде и по Суконе и по Юге и пермские дани к себе-ж взял» [ВВЛ 1958 : 257]. В последующем Устюг становится опорным пунктом для проникновения и утверждения великокняжеской власти в земле Перми Вычегодской. Другая часть коми, проживавшая на территории Верхнего Прикамья, еще с X в. была ориентирована по поддержке тесных социально-экономических и культурных связей с Волжской Булгарией, разгром которой монголами в 1236 г. стал причиной, во многом обусловившей постепенное втягивание Верхнего Прикамья, значительно удаленного от степных просторов и в силу этого мало привлекательного для кочевников, в сферу интересов северо-восточных русских земель.

Наиболее активно в XIII-XIV вв. великие князья владимирские действовали в более близкой Перми Вычегодской, постепенно выдавливая оттуда новгородцев. Хотя монгольские походы и не коснулись непосредственно этой территории, часть собранной с нее новгородцами и устюжанами дани направлялась для выплаты «черного выхода Ордынскому царю». В 1333 г. великий князь владимирский Иван I, очевидно, вследствие промедления с доставкой «выхода», полагавшегося «от Вычегды и от Печоры» «взверже гнев свой на устюжцов и на новгородцов», в результате чего последние были вынуждены передать ему «Вычегду и Печору и с тех времен князь московский почал взимати дани с пермские люди». В 1364 г. великий князь Дмитрий Иванович отобрал у ростовского князя Константина «Ростов и Устюг и пермские места устюжские». В 1367 он же после конфликта с новгородцами «взял к себе Печору, Мезень, Кегролские. Люди пермские за князя за Дмитрия крест целовали, а новгородцам не норовили» [ВВЛ 1958 : 257-258].

Очередным шагом в сторону закрепления своих позиций в Перми Вычегодской стала поддержка великим князем Дмитрием Ивановичем одобренного митрополитом Алексием начинания устюжского монаха Стефана по обращению коми в христианство. Его миссионерская деятельность началась «на Пыросе и на Виледи» в 1379 г., где он крестил «нечестивые племени пермян». Подобно «просветителям славян» Кириллу и Мефодию, Стефан сочинил «пермскую азбуку» и перевел на древнепермский язык ряд церковных текстов. Благодаря его усилиям по обучению неофитов были заложены основы древнепермской письменности. Успех деятельности Стефана Пермского уже в 1383 г. сделал возможным учреждение Пермской епархии с центром в Усть-Выми, первым епископом которой был назначен сам «апостол зырян» [ПСРЛ 1949 : 211]. Впрочем, христианское вероучение утвердилось в Перми Вычегодской далеко не сразу: в 1389 г. пришедшие к Яранску с Удоры и с Пинеги «пермяни-идопоклонницы... монастырское Пречистые Богородицы пожгли, пограбили, людей монастырских посекли», в 1392 г. сторонники пермского сотника Пама – активного противника миссионерской деятельности Стефана, совместно с вогульским князем Асыкой разорили погосты возле Усть-Выми [ВВЛ 1958 : 260].

В начале XIV в. жители Перми Вычегодской вновь втягиваются в выяснение отношений между Москвой и Великим Новгородом [ВВЛ 1958 : 260], а со второй четверти XV в. вычегодские земли становятся ареной кровавых столкновений претендентов на великокняжеский престол – Василия II и его дяди галицкого князя Юрия Дмитриевича, после смерти которого борьбу против Василия возглавил сын Юрия Дмитрий Шемяка. В 1451 г. для организации борьбы с Шемякой (умер в 1453 г.) наместником в

Усть-Вымь с правом «правити пермской землей Вычегоцкою...по грамоте наказной по уставной» великим князем Василием II был направлен представитель одной из боковых ветвей князей Верейских – Ермолай, положивший начало династии «вымских князей». Одновременно его старший сын Михаил был направлен наместником в Чердынь – центр Перми Великой, где он стал родоначальником «князей великопермских» [ВВЛ 1958 : 261]. Таким образом, к середине XV в. обе исторические области расселения коми Пермь Вычегодская и Пермь Великая уже прочно находились в сфере социально-экономического и культурного влияния Московской Руси, однако сохранявшаяся исторически административная разобщенность и связанное с этим более позднее начало крещения Перми Великой в 1455 г. уже при четвертом епископе Пермском Питириме, стали основными факторами оформления двух близкородственных народов – коми и коми-пермяков.

Литература

- Аннинский С. А. 1940. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной европе // Исторический архив. Т. 3. Москва – Ленинград.
- Барбаро 1971 – Барбаро и Контарини о России. Вступ. статья, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скрижинской. Ленинград.
- Бегунов Ю. К. 1965. Памятник русской письменности XIII века «Слово о погибели Русской земли». Москва – Ленинград.
- Белорыбкин Г. Н., Зеленцова О. В. 2005. Мордва и Волжская Булгария // История татар. Т. 2. Волжская Булгария. Казань (в печати).
- Белых С. К. 1996. Еще раз об этнониме *ар* // Финно-угроведение, № 3. Йошкар-Ола.
- ВВЛ 1958 – Вологодско-пермская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Вып. IV. Сыктывкар.
- Макаров Л. Д. 2001. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв. Ижевск.
- Мокшин Н. Ф. 1977. Этническая история мордвы. Саранск.
- Мокшин Н. Ф. 1991. Тайны мордовских имён. Исторический ономастикон мордовского народа. Саранск.
- Напольских В. В. 2005. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар. Т. 2. Волжская Булгария. Казань (в печати).
- ПСРЛ 1949 – ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. Москва – Ленинград.
- ПСРЛ 2000 – ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. Москва.
- Путешествия 1957. Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. Москва.
- Рашид-ад-дин. 1960. Сборник летописей. Т. 2. Москва – Ленинград.
- Тизенгаузен В. Г. 1941. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Москва – Ленинград.
- Халикова Е. А. 1976. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // Советская археология. №3. Москва.
- Vásáry I. 1977. A Volga-vidéki magyar töredékek a mongol kor után // Magyar őstörténeti tanulmányok. Budapest.